

Богу, начало всякого греха, она - во всяком грехе. Ведь всякий грех есть вольная отдача себя своей страсти, сознательное пограние Божьего закона, дерзость против Бога, хотя «гордости подверженный как раз имеет крайнюю нужду в Боге, ибо люди сласти такого не могут» («Лествица»).

Откуда же берется эта страсть? Как она начинается? Чем питается? Какие степени проходит в своем развитии? По каким признакам можно узнать ее?

Последнее особенно важно, т.к. гордый обычно не видит своего греха. Некий разумный старец увещал на духу одного брата, чтобы тот не гордился; а тот, ослепленный умом своим, отвечал ему: «Прости меня, отче, во мне нет гордости». Мудрый старец ему ответил: «Да чем же ты, чадо, мог лучше доказать свою гордость, как не этим ответом!»

Во всяком случае, если человеку трудно просить прощения, если он обидчив и мнителен, если помнит зло и осуждает других, то это все - несомненно признаки гордости.

По материалам сайта zavet.ru

В храм хоть в шортах?

Иаумен Нектарий (Морозов)
«Православие — религия запретов»... С таким мнением сталкиваться приходится то и дело: человеку внешнему в христианстве все представляется не чем иным, как совершенно неоправданными, иногда смешными, иногда неразумными, а иногда прямо-таки изуверскими запретами.

Женщине не следует заходить в храм без платка и в бюках — смешно! Постом запрещается вкушение скоромной пищи — разве же это не глупость? Нельзя вступать в брак столько раз, сколько хочется, нельзя изменять супругу или супруге, даже если полюбил кого-то другого — изуверство ведь, надругательство над любовью.

И вот о чем не могу не сказать: как бы ни возмущалось мое сердце, когда слышу подобные речи, я отдаю себе отчет, что в них заключено рациональное зерно, по-своему они логичны и разумны. То есть в каком-то смысле я с ними согласен.

Нет, при этом я не считаю, что традиции ничего не значат и можно ходить в храм в чем угодно — хоть в штанах, хоть в шортах, хоть вообще без штанов. И не думаю, что пост — пережиток, с которым следует скорее расстаться. И почему личная жизнь человека должна предпологать не только следование за неожиданно возникающими импульсами и эмоциями, но и ответственность, и хранение целомудрия, тоже понимаю очень хорошо.

Но вот именно в этом-то всё и дело: я понимаю, а они нет! И я знаю, почему не должен чего-то делать, а что-то, наоборот, должен, а они не знают, потому и удивляются, воз-

4 мущаются, смеются.

Мне ясен смысл заповеди, говорящей «не вкушай», а тем паче «не укради» и «не убий». Я осознаю, что подобное поведение не только нехорошо по отношению к другим или ко мне самому, но, что гораздо важнее, страшнее — поступая вопреки заповеданному Богом, я становлюсь Ему чужд, оказываюсь перед пропастью, которая отделяет меня от Него, или стеной, заслонившей Его от меня.

И я совершенно не воспринимаю заповеди в качестве запретов. Как не воспринимаю подобным образом и другие подобные «не».

Разве спортсмен в период подготовки к очередным соревнованиям не отказывается от вредной для него пищи? Разве не подчиняет он свою жизнь строгому распорядку, не становится до определенной степени «каскетом»? И ведь делает он все это не потому, что тренер говорит «Запрещайю!», а потому, что знает по опыту: если не придерживаться этих правил, придешь к финишу позже всех, или команду подведешь, или схватку проиграешь. И если первоначально слушаешь тренера, слепо подчиняешься ему, со временем приходит опыт, все становится на свои места, и запрет становится не запретом, а благом: возможностью, преимуществом, выгодой, даже хитростью, элементом мастерства, секретом успеха.

Если в спорте, который создает по преимуществу тело и в гораздо меньшей степени душу, это так, насколько же верно это в отношении «упражненный духовных», а точнее — жизни духовной, христианской! «Все испытывайте, хорошего держитесь» (1 Фес. 5:21) — эти слова апостола Павла универсальны, о чем бы речь вообще ни шла.

Беда, мне кажется, в самом деле не в том, что кто-то, не зная этой жизни, внимательно приглядываясь к ней или же вскользь посмотрев на нее, неправильно интерпретирует отдельные ее моменты. Переступил порог и войдя в Церковь, эти люди во всем смогут разобрататься, научатся правильному пониманию христианства, забудут все эти «бессмысленные запреты», точнее, не будут их больше так воспринимать.

Смогут, научатся, забудут... Если только не окажутся среди тех, кто, прожив в Церкви долгие годы, из детских пеленок так и не вырос. Для кого в христианстве все по-прежнему делится на «можно» и «нельзя». Вот тогда-то и будет беда.

по материалам сайта pravmir.ru

Соблюдение заповедей — доказательство нашей любви к Богу.

старец Иосиф Ватопедский

Друзья! Будем благодарны вам, если вы продлите жизнь этому листку, передав его в руки других людей или в любой храм. Пожалуйста, не используйте его в хозяйственных целях.

Электронные версии всех выпусков миссионерского листка Вы всегда можете найти по адресу: <http://trinityslovka.ru/misionerskiy-listok-ximkinskogo-blagochiniya>

Миссия издан на пожертвование г. Б. Олега, приложением Творивского храма

Отпечатано в типографии «Горлус»

Адрес: г. Москва, Зеленоград, корпус 528, офис 11

Телефон 8(495) 789 47 56; www.totpus.ru

Тираж 500 экз. Заказ №

СЕ, СТОЮ У ДВЕРИ И СТУЧУ...

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ МОСКОВСКАЯ ЕПАРХИЯ ХИМКИНСКОЕ БЛАГОЧИНИЕ МИССИОНЕРСКИЙ ВОСКРЕСНЫЙ ЛИСТОК

В церковном календаре - 14 ноября Неделя 23-я по Пятидесятнице Апостола Филиппа (I). Прп. Филиппа Ирапского (1527); свв. правоверного царя Иустиниана I (565) и царицы Феодоры (548); свт. Григория Паламы, архиепископа Фессалоникского (1357). Сщмчч. Димитрия Беневоленского, Александра Бывкова, Виктора Ильинского, Алексия Нечаева, Михаила Белюстина, Михаила Некрасова, Феодора Бакалинского, Петра Титова, Алексия Никологорского,

Сергия Знаменского, Николая Дунаева, Василия Лихарева, Александра Покровского, Николая Виноградова, Димитрия Лебедева, Порфирия Колосовского, Василия Никольского, Георгия Извекова, Василия Розанова, Сергия Спасского, Александра Чекалова, Сергия Руфицкого, пресвитеров, Николая Богородского, диакона, прмч. Аристарха (Заглотина-Кокорева), иеромонаха, мчч. Гавриила Безфамильного, Димитрия Рудакова, мчч. Анны Зерцаловой (1937); сщмч. Феодора Грудакова, пресвитера (1940); сщмч. Сергия Константинова, пресвитера (1941).

СВЯТЫЙ СВЯТЫЙ СВЯТЫЙ

Лк. X-25-37

И вот, один законник встал и, искушая Его, сказал: Учитель! чт мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?

Он же сказал ему: в законе чт написано? к к читаешь?

Он сказал в ответ: возлюби Господа твоего всем сердцем твоим, и всею душею твоею, и всею крепостию твоею, и всем разумением твоим, и ближнего твоего, как самого себя.

Иисус сказал ему: правильно ты отвечал; так поступай, и будешь жить.

Но он, желая оправдать себя, сказал Иисусу: а кто мой ближний?

На это сказал Иисус: некоторый человек шел из Иерусалима в Иерихон и попался разбойникам, которые сняли с него одежду, изранили его и ушли, оставив его едва живым.

По случаю один священник шел тою дорогою и, увидев его, прошел мимо.

Также и левит, быв на том месте, подошел, посмотрел и прошел мимо.

Самарянин же некто, проезжая, нашел на него и, увидев его, сжалился

и, подойдя, перевязал ему раны, возливая масло и вино; и, посадив его на своего осла, привез его в гостиницу и позаботился о нем;

а на другой день, отъезжая, вынул два динария, дал содержателю гостиницы и сказал ему: позаботься о нем; и если издержишь что более, я, когда возвращаюсь, отдам тебе. Кто из этих троих, думаешь ты, был ближний попавшемуся разбойником?

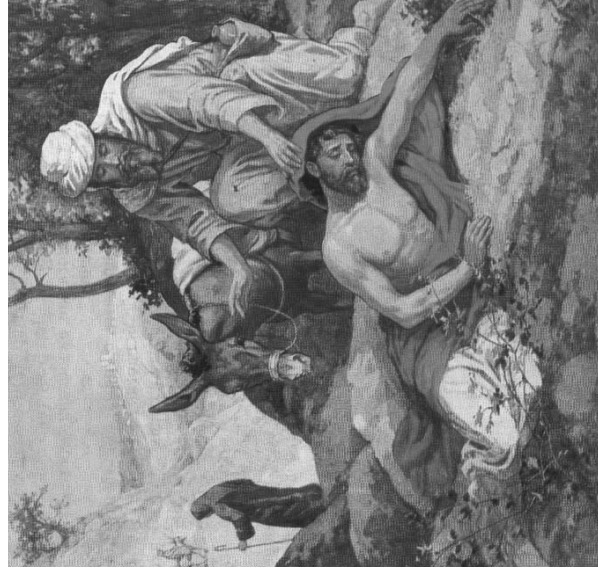
Он сказал: оказавший ему милость. Тогда Иисус сказал ему: иди, и ты поступай так же.

Проповедь на притчу о милосердном самарянине

Протоиерей Георгий Митрофанов
Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Притча о милосердном самарянине, хорошо знакомая каждому христианину, каждый год, каждое десятилетие, на-верное, каждый век приобретает для всего христианского человечества особый смысл. Ибо каждый год, каждое десятилетие и каждый век приближает нас к тем последним временам, когда в мире оскудеет любовь.

И мы сейчас, дорогие братья и сестры, живем в одно из тех времен, когда действительно кажется, что любви становится все меньше и меньше. Тем значимее для всех нас задуматься над этой притчей. Ибо она провозносила только для тех, кто был тогда рядом со Христом, кто испытывал Его, искушал Его, но провозносилась она, прежде всего для нас с

2

вами.

Итак, ко Христу приходит законник, фарисей, человек, наверняка, глубоко верующий. Верующий в ветхозаветный закон, но не верующий еще во Христа, сомневающийся в том, что этот скромный Плотник, дерзновенно поучающий учителей народа, знает истину. И подойдя, с таким заведомым желанием уничижить Спасителя, показать перед всеми Его незнание, он задает Ему, искушая Его, как сказано в Евангелии, в общем-то, простой вопрос, ответ на который должны были знать все. Вопрос о том, что есть первая заповедь.

И Христос, зная, что этот человек искушает Его, отвечает просто и безыскусно. Так, как должен ответить любой, смиренно исповедующий веру в Бога ветхозаветный иудей. Он говорит о любви к Богу и о любви к ближнему. И все.

Эта двойная заповедь о любви к Богу и о любви к ближнему, Ветхим Заветом данная, должна была быть известна всем. Но, видимо, Христос так произносит эти простые слова, что законнику, искушавшему Его, становится очень неудобно, очень стыдно. И, желая оправдаться и перед Христом и перед стоящими вокруг людьми, он задает Ему другой вопрос, на который сам-то он знает ответ. Вопрос о том, а кто есть ближний.

Но Спасителю известны мысли каждого человека. Он знает и все то, что происходит в душе законника. Он уже почувствовал, что горделиво пришедший уничижить Его простым вопросом законник, оказался не только посрамлен сейчас перед лицом многих. Он знает, что и в сердце самого законника произошло какое-то серьезное изменение: что он сам вдруг устыдился своего дерзкого вопроса.

И опять, как будто не замечая, что этот вопрос, обращенный к Нему, имеет какой-то скрытый смысл, Спаситель просто рассказывает притчу, всем нам с вами хорошо известную. Но, наверное, не до конца, не в полной мере осознавая ее и понимаемую. Ведь перед нами не просто рассказ о добром человеке.

Некто, ехавший по дороге и полавший в серьезные испытания, подвергшийся нападению разбойников, лежит, и возможно даже истекает кровью. Этот человек, может быть, даже умирает на дороге. Наверное, он из благочестивых иудеев, которые в этот момент, когда он оказался избит, измучен и брошен на дороге, молился Богу о помощи. И вот он видит на дороге священника, затем левита, представителей того самого ветхозаветного духовенства, к которому ветхозаветные иудеи относились с большим почтением, с большим почитанием. Кто, как не они, казалось бы, должны были прийти ему на помощь? Но они проходят мимо.

Эта тема всем нам, христианам, увы, хорошо известна. Наверное, каждый из нас имел случай, возможно, даже не один раз, убедиться в том, что подчас и священник, и дьякон, служащие христианской новозаветной церкви, тоже могут отличаться по своей человеческой немощи таким же бессердечием и бесчувствием, каким отличались их ветхозаветные предшественники. И тоже, наверное, не раз мимо нас проходили священнослужители, к которым мы, возможно, не в столь драматичной ситуации обращали свои взоры. Это вечная тема и вечный укор всем нам, христианам, и в особенности нам, священнослужителям.

3

и мы так хотим любить православных христиан. Мы так поступаем просто потому, что мы вообще мало кого способны любить, мало кого хотим любить. Потому что это очень трудно любить НЕ только христиан, но и НЕ-христиан. И, как правило, НЕ любя почти никого, мы убеждаем себя в том, что мы любим-то тех, кто достоин любви; ближние наши это те, кто с нами. Кто с нами молится, постился, но отнюдь НЕ те, кто НЕ разделяет с нами труда христианской жизни.

А между тем, большинство из нас принадлежит к тем семьям, которые прошли за предыдущие десятилетия очень сложный путь. Стучилось так, что боготорческая власть в нашей стране РАЗДЕЛИЛА семьи на христиан и НЕ-христиан, на православных и безбожников. И много было вражды в этих семьях. Но часто НЕ потому, что христиане ревновали о своей вере, а потому что они с легкостью шли по пути безбожников и учились НЕНАВИДЕТЬ.

Много существует дьявольских уловок в лукавом сердце человека, чтобы НЕ быть милосердным самарянином, а быть жестокосердным фарисеем. И очень часто мы изыскиваем самые различные основания для того, чтобы избавиться себя от труда милосердия и сострадания. И всякий раз, когда мы пытаемся себя убедить в том, что мы бедны, мы заняты, мы устали, поэтому мы НЕ можем помочь своему ближнему, когда мы НЕ отъезжаем на его скорбь, мы должны вспоминать притчу о милосердном самарянине.

Да, к счастью, не каждый день и не всем нам приходится сталкиваться с ситуацией, о которой повествует нам сегодняшнее Евангелие. К счастью, очень редко приходится сталкиваться нам с тем, что перед нами лежит умирающий человек и некому, кроме нас ему помочь. Но ведь в гораздо более простых ситуациях, когда от нас НЕ требуется такое внимание, такая сердечная забота, какая потребовалась от самарянина по отношению к раненому иудею, очень часто в более простых ситуациях мы НЕ делаем практически ничего. Когда от нас требуется даже не какая-то внешняя материальная жертва, а душевное участие, сочувствие человеку, мы проходим МИМО. Потому что мы устали, потому что нам трудно, потому что мы пребываем в житейской суете. И таким образом, мы ПРЕДАЕМ Христа.

Ибо гораздо извинительней было ветхозаветному священнику и левиту пройти мимо их умиравшего пасомого, нежели нам, христианам, которым Христос открыл во всей полноте истину, пытаться НЕ заметить скорби, несчастья нашего ближнего, каким бы он ни был, что бы с ним ни случилось.

Будем помнить об этом, дорогие братья и сестры. И

пусть притча о милосердном самарянине сделает нас, христиан, достойными того призвания, которое обратил к нам Спаситель. Пусть в каждом из нас, не обязательно в такой тяжелой момент, о котором повествовалось в сегодняшнем Евангелии, но пусть в каждом из нас каждый день хотя бы иногда проступает тот самый милосердный самарянин, которого Бог поставил перед всеми христианами примером сострадания и милосердия. Аминь.

По материалам сайта azbyka.ru

Отличительные свойства гордыни

Священник Александр Ельчанинов

Величайший знаток глубин человеческого духа, преп. Исаак Сирин в своем 41-м слове говорит: «Восчувствовавший свой грех выше того, кто молитвою своею восхрашает мертвых; кто стодобился видеть самого себя, тот выше сподобившегося видеть ангелов». Вот к этому познанию самого себя и ведет рассмотрение вопроса, который мы поставили в заголовке. И гордость, и самолюбие, и тщеславие, сюда можно прибавить - высокомерие, надменность, чванство, - все это разные виды одного основного явления - «обращенности на себя». Из всех этих слов наиболее твердым смыслом отличаются два: тщеславие и гордость; они, по «Лествице», как отрок и муж, как зерно и хлеб, как начало и конец.

Симптомы тщеславия, этого начального греха: нетерпение упреков, жажда похвал, искание легких путей, непрерывное ориентирование на других - что они скажут? как это покажется? что подумают? Тщеславие издала видит приближающегося зрителя и гневливых делает ласковыми, легкомысленных - серьезными, рассеянных - сосредоточенными, обжорливых - воздержанными, и т.д. - все это, пока есть зрители. Той же ориентировкой на зрителя объясняется грех самооправдания, который часто вкрадывается незаметно даже в нашу исповедь: «грешен как и все..... только мелкие грехи..... никого не убил, не украл».

Бес тщеславия радуется, говорит преп. Исаан Лествичник, видя умножение наших добродетелей: чем больше у нас успехов, тем больше пищи для тщеславия. «Когда я храню пост, я тщеславлюсь; когда же, для утаения подвига моего, скрываю его - тщеславлюсь о своем благоразумии. Если я красиво одеваюсь, я тщеславлюсь, а переодевшись в худую одежду, тщеславлюсь еще больше. Говорить-ли стану - тщеславием обладаюсь, соблюдаю молчание - еще больше оному предаюсь. Куда это терние не поверни, все станет оно вверх своими спицами». Стоит появиться в душе человека добродетели, непосредственному душевному движению, как сейчас же появляется тщеславная оглядка на себя, и вот - драгоценнейшие движения души исчезают, тают, как снег на солнце. Тают, значит, умирают, значит - благодаря тщеславию - умирает лучшее, что есть в нас, знающий - мы убиваем себя тщеславием и реальную, простую, добрую жизнь заменяем призраками.

Усилившееся тщеславие рождает гордость.

Гордость есть крайняя самоуверенность, с отвержением всего, что не свое, источник гнева, жестокости и злобы, отказ от Божией помощи, «демонская твердыня». Она - «медная стена» между нами и Богом (Авва Пимен); она - вражда к